

ВОСПОМИНАНИЯ Е.Р. РЕДЛИХ В РЯДУ МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ СОЛОВЧАН

Аннотация: В настоящей статье предлагается краткий анализ воспоминаний Е. Р. Редлих «Десять месяцев и девятнадцать дней. Быль 1929–1930 годов», в которых мемуаристка рассказывает о своих поездках в лагерные командировки Соловецкого лагеря особого назначения на свидания с заключенным мужем. Данный текст рассматривается в свете характерных особенностей свода воспоминаний узников СЛОНа, как религиозного и социокультурного феномена, который раскрывает особенности своего времени и восприятия жизни современников эпохи.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий лагерь, мемуары, Редлих.

Об авторе: Вячеслав Вячеславович Умнягин, кандидат филологических наук, ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников» (1923–1939), Московское подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря

115035, Москва, ул. Садовническая, д. 6. Церковь великомученика Георгия в Ендове. solovki-news@yandex.ru

Необычное происхождение от французских протестантов, родство с двумя семьями московских миллионеров и незаурядный социальный статус матери семейных детей, не оградили Евгению Романовну Редлих от тех потрясений и превратностей судьбы, которые в минувшем веке разделили многие русские женщины самых разных званий и сословий. В отличие от большинства из них, Евгения Романовна смогла записать свои воспоминания. Помимо присущего ей литературного таланта, созданию мемуаров способствовали усилия проживающих в Германии родителей. Собрав значительную сумму денег, они выкупили семью 50-летней дочери из СССР, что в конце 1920 – начале 1930-х гг. было вполне распространенным явлением, которое способствовало привлечению иностранной валюты в Советский союз.

Одним из результатов полученной за границей свободы стало появление рукописи «Десять месяцев и девятнадцать

дней. Быль 1929 – 1930 годов», работа над которой велась по приезду в Берлин в 1934 – 1936 гг. В 2005 – 2018 гг. разрозненные варианты воспоминаний были собраны воедино, разделены на части и главки, а затем исправлены внучатыми потомками автора. Коллективный труд, в котором приняло участие несколько поколений родственников, должен увидеть свет в очередном томе книжной серии «Воспоминания соловецких узников» [15].

Прежде чем перейти к анализу названия и основных идей произведения, обратим внимание на его эпиграф, в качестве которого были выбраны слова: *«То, что никогда нельзя забыть»* (Здесь и далее цитаты из будущей публикации выделяются курсивом). Фраза содержит несколько смыслов и указывает, как минимум, на два момента, которые мемуаристка хотела подчеркнуть в глазах читателя. Во-первых, эпиграф предполагает то, что описанные в книге события невозможно забыть по причине их значимости и той силы воздействия, которые они оказали на автора и близких ему людей. Во-вторых, те же события выходят за пределы семейной хроники и приобретают общенациональное и даже общечеловеческое значение, но при этом могут быть преданы забвению. Именно для того, чтобы этого не произошло, писательница и взялась за увековечивание собственного опыта, рассматривая свой труд в качестве нравственного долга.

Обе причины раскрывают наиболее распространенные мотивации работы над мемуарами со стороны лагерных летописцев, подтверждения чему встречаются на страницах многих воспоминаний. «Эти заметки, конечно же, не претендуют на художественные совершенства и стилистические прелести, а также на исчерпывающую полноту, – писал о своей книге ингушский офицер С.А. Мальсагов. – Примите их как свидетельства честного очевидца, который говорит правду и только лишь правду. И если мое свидетельство будет достойным обсуждения и признано частью гигантского обвинительного приговора, который русский народ, все человечество, история и Бог, без со-

мнения, предъявят советской власти, я буду считать свой долг выполненным» [8:370-371].

Многозначительно выглядит и название рукописи. С одной стороны, оно задает четкие хронологические рамки повествования. Ровно десять месяцев и девятнадцать дней разделяют два ключевых события. Первое из них: арест в сентябре 1929 г. мужа мемуаристки Николая Федоровича Редлиха, который вскоре после этого был *«выслан в Соловки на три года»*; второе – возвращение писательницы из очередной поездки в одну из материковых командировок СЛОНа на свидание с супругом.

Вместе с тем, временной диапазон книги куда шире и, в конечном счете, охватывает весь период «подсоветского» существования автора. То, что формально из этого периода выделяется лишь небольшой отрезок, объясняется следующими причинами. Первая из них отчасти уже упомянута, и вновь определяется той силой воздействия, который оказали на мемуаристку и ее ближайшее окружение арест и трехлетняя ссылка главы семьи. Вторая причина объясняется тем, что трагическое происшествие стало водоразделом, который отделил, пускай и стесненное, но все же вполне сносное существование, от того с чем Редлихам пришлось столкнуться после этих событий. *«Жили мы под Москвой. Дача, арендованная у сельсовета, стояла отдельно, на самом краю посёлка на опушке соснового леса. Соседи не стесняли нас. Мы не стесняли соседей. Большой огород в четверть десятины снабжал нас овощами и картошкой. Корова Буянка молоком. Служить большевикам муж не хотел. Мы кустарничали и не голодали. Верхний этаж дачи занимали славные люди нашего круга, наших взглядов, с двумя детьми. У нас их семеро. Так и жили мы в сторонке вот уже восемь лет».*

Утратив статус сторонних наблюдателей, члены семьи вступили в новую, мало похожую на всю их предыдущую жизнь, в которой пространство мира неимоверно расширилось и стало измеряться расстоянием, отделя-

ющим от любимого человека, тогда как время, наоборот, сжалось. *«Гром, молния и проливной дождик встречаются нас с Наташей в Москве. По мокрому просеку, по лужам и бегущим ручьям шлёпаем мы к дому. Пахнет листвой, грибами. Неужели скоро осень? Скоро год? Прошло десять месяцев и девятнадцать дней».*

Концентрация самых невероятных событий, переживаний и встреч породила совершенно новый социальный опыт, в свете которого стало очевидным то, что советская пенитенциарная система выступает квинтэссенцией создавшего его режима. Описание зарождающегося ГУЛАГа дает исчерпывающее представление о происходящем в стране, что находит массу подтверждений в мемуарах других заключенных: «Соловки как в зеркале начали отражать прогресс советской действительности» [5:270], «Соловки отражали в себе все основные черты тогдашней жизни Советского Союза» [20:63], «Соловецкие лагеря прежде всего возбуждают интерес в качестве учреждения, характеризующего советский режим в наиболее его неприкрытом виде – в тюрьме» [6:48].

Другой отличительной чертой воспоминаний о Соловках 1920–1930-х гг., которая отражена в заголовке произведения («быль»), является не просто попытка донести до читателя правду жизни, но и стремление сделать эту правду доказательной. Последнее удавалось далеко не всем мемуаристам, причем нередко именно из-за правдивости сказанного. Исследователь творчества Ю.Д. Бессонова пишет, что Р. Киплинг был единственным, кто поддержал бывшего заключенного в момент, когда видные деятели Европы заявляли о том, что его книга «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» – «это клевета на молодое Советское государство» [16:446].

Сама Евгения Романовна в одном из своих писем общала: *«когда мы в 1933 г. осенью прибыли в Берлин, то самые разнообразные люди заинтересовались нами, расспрашивали, поражались – но слушали нас недовер-*

чиво и все “ужасы” приходилось смягчать, скрашивать и утаивать...»

Одновременно с этим, понятие «быль» подчеркивает не только то, что в основе воспоминаний лежит рассказ о том, что имело место в действительности. В случае с рассматриваемой книгой, это еще и отсылка к жанру устного народного творчества, к эпосу, общему для многих культур путешествию в загробный мир, схождению в ад, которое переиначивает человека, делает иным его метафизическое восприятие мира. Все это также отражено в литературном наследии соловчан, многие из которых ощущали себя не просто узниками одного из первых советских лагерей, но и новыми насельниками древней обители. В частности, на это указывает подпись «Соловецкой обители инок Филипп» в конце повести «1237 строк» Б.Н. Ширяева, которая увидела свет в журнале «Соловецкие острова» [19:80].

О том же свидетельствует высокая концентрация терминов, относящихся к христианским ценностям, и вообще религиозная рефлексия, наличие которой можно считать отличительной чертой поэтических произведений, опубликованных в лагерных изданиях 1920-х гг. [14].

Вместе с этим, характеризуя пребывание на Соловках, узники нередко подчеркивали инфернальную природу происходящего, что контрастировало со святостью места, представление о которой было укоренено в сознании многих мемуаристов. «На месте, где пятьсот лет чувствовалось дыхание Всевышнего, теперь лилась кровь невинных, и дьявол, ликуя, плясал свою пляску смерти, – писал скаут-мастер Б.Л. Солоневич. – Кровь жертв красного террора окропила мирные могилы монахов-подвижников. Слово “Соловки” из символа светильника веры и подвижничества стало “Самым Страшным Словом России” – С. С. С. Р...» [17:433].

Все это близко мировосприятию мемуаристки, которая следующим образом описала центр лагерной жизни: *«Кемь это всё. Кемь ведаёт судьбами сотен тысяч.*

Кемь даёт разрешения на свидания, наказует и милует, сажает в изоляторы на хлеб и на воду, отпускает домой и расстреливает. В Кемь начальник царь и бог, злой сатана над всеми. Всё трепещет перед ним. Во власти этой Кемь и мой муж».

Важной деталью этого мира выступает не только внешняя несвобода, но и внутренняя закрепощенность заключенных. *«Он, как застывший, мама, ужасно странный. Жутко даже»,* – говорит после первого свидания с отцом сын Е.Р. Редлих, которая подтверждает наблюдение юноши следующими словами: *«Да, сынок, застывший. Он свою душу забронировал, окутал. Ведь, иначе вынести невозможно».*

Тягостное посттравматическое состояние, ставшее следствием пребывания в местах лишения свободы, детально описал другой соловецкий узник публицист Г.А. Андреев: *«В последние годы заключения я с волнением думал о предстоявшей мне новой жизни <...> Со стесненным чувством сел в поезд. В вагоне ехала артель сезонников, с пилами, топорами, еще пассажиры – я видел их как сквозь прозрачную пелену, невидимо отделявшую меня от всех. За окном проплывали леса, озера, гранитные скалы – угрюмый и дикий, до мелочей знакомый северный пейзаж, – мне он казался мертвой декорацией, нарисованной на полотне <...> Я был как в оцепенении, во мне будто что-то застыло и чувствовать себя так, как окружающие, я не мог» [1:11-12].*

И все же, при чтении книги не покидает ощущение личной свободы, склонности к независимым суждениям и поступкам описанных в ней людей, на что обращали внимание и другие мемуаристы. Тот же Г.А. Андреев, в повести которого *«даже во время короткого перерыва на самых тяжелых, лесозаготовительных работах каторжники из интеллигенции находят силы спорить, есть ли смысл в происходящем с ними» [2:107].*

В «Заметке к будущим воспоминаниям» академик Д.С. Лихачев писал: *«Так свободны могли быть только*

русские люди начала века, только люди вполне интеллигентные. Сейчас даже трудно вообразить себе ту степень свободы, которой мы все обладали в заключении. Чем больше было людей разномыслящих, тем больше была эта свобода. Кого только не было: проктофантозмисты, самурай Нарита со всеми своими самурайскими убеждениями, Мейер и “мейеровцы”, православные священники, католические священники, масоны, теософы (сам автор Теософской энциклопедии Мёбус), армянский патриарх, “пулеметчик” Потто, Казаринов-Лефевр, в которого воплотился дух Людовика XVI, А. П. Сухов с его принятием всего и широкой художественной точкой зрения на мир (“психолог”) и т.д. и т.п. В этой возможности иметь свои взгляды, своё, и была свобода, а не в “пропуске” за кремль...» [11:329]

Как уже отмечалось, фабула произведения представляет собой рассказ о нескольких поездках Евгении Романовны на свидания к ссыльному супругу. Меньше чем за год она побывала в Кемии, в Парандово, на Ругозере, где в 1930-е гг. располагались лагерные командировки СЛОНа. Несмотря на негативный психологический фон вынужденных путешествий, их описания не лишены радости жизни и ощущения полноты бытия. Подобные чувства проявляются в упоминаниях величественных картин северной природы, которые включают в себя религиозные доминанты местного ландшафта.

«Вдруг солнце. Яркое, яркое солнце. Откуда взялось оно? Кругом нас заискрилось, заблестело всё: крыши домов, перила моста, белая равнина по сторонам дороги.

– Мамочка, это к добру. Смотри, как ясно виден город вдали. И церковь. Видишь? Вон, направо. И снег блестит, и небо видно. Смотри, мама, небо. Бледно, бледно-голубое.

Весело и бодро шагаем мы в город. Навстречу нам спешат какие-то люди. Они тоже бодрые, весёлые. Солнце. Солнце на севере»

«А вот и Кемь-город. Улицы широкие. Дома деревянные, всё больше двухэтажные. Чисто. Снежок прикрыл все грехи».

«Лес тихий, дремучий, столетний лес. Тайга. Сегодня он будто праздничный, весь в белом, весь искрится и сияет на солнце. Небо бледно-бледно голубое, ясное. Мороз потрескивает, стреляет в стволах старых сосен, и опять тихо-тихо стоит лес.

“В лесу душа ближе к Богу, – сказал Артамон Петрович, – лес, как храм”.

Да. Лес, как храм».

Соприкосновение с природой облагораживает, очищает человека и обживаемое им пространство. Происходит это, конечно не со всеми заключенными. Например, в воспоминаниях анархиста К.Л. Власова-Уласса предел отчаяния выражен в образе заходящего Солнца, которое, будучи символом и источником жизни, напоминает автору «о губительности существования, окрашивая небо и море в кровавый цвет (“кровавый диск медленно погружался в воды Белого моря”, “тучи, окрашенные в кровавый цвет заходящим солнцем”))» [18:113].

Однако, судя по мемуарам, нередко именно природа даровала сидельцам духовные силы, наделяла их верой в избавление от страданий и благодатные перемены, залогом которых выступали красота и девственная чистота окружающего мира: «На следующий день погода резко переменялась, – писал Б.Л. Солоневич. – Солнце мягко сияло на бледном северном небе. Ветер стих. Небольшой пухлый снежок прикрыл грязь человеческих следов, и даже угрюмые, утомленные лица работавших на берегу как-то просветлели» [17:456].

«Какие дивные там зори! Какой чистый воздух! Какое море, все время меняющее на себе в хорошую погоду самые нежные краски <...> А кто опишет красоту летней ночи соловецкой, нежнейшие переливы красок заката и восхода солнечного?» [13:24] – вспоминал очарование здешних мест протоирей Анатолий Правдолюбов, который

оказался в лагере 20-летним юношей, но относил события этого периода к числу самых отрадных в своей жизни.

Вид северного пейзажа оказывал благотворное действие и на вполне сформировавшихся людей, что видно на примере О. В. Второвой-Яфы, которая была доставлена на Соловки в возрасте 53 лет по т.н. «Делу А.А. Мейера». Созерцание гранитных глыб, «бараньих лбов», поросших мхом и лишайником, торфяных болотец, пестревших шелковистой пушицей, карликовых березок и тощих сосенок, полей вереска и иван-чая, ставших любимыми еще по предыдущим путешествиям по Русскому Северу, возродило во время лагерного этапа то сокровенное, что, казалось, было забыто и навсегда уничтожено пребыванием в неволе: «Только тут я впервые поняла, осмыслила, что еду в родные моему сердцу места, которых я не видела более десяти лет. И сразу же, как только я это осмыслила, из моего сознания выпали и мои спутники, и конвой, и только что пережитые полгода тюремного заключения, и, наоборот, как совсем недавно и живое, встали передо мной мои князегубские, ковдские, кандалакшские и соловецкие воспоминания... <...> в первый раз со дня своего ареста я обрела способность плакать – и плакала стихийно, неудержимо, как стихийно, неудержимо несутся из-под внезапно вскрывшегося льда вешние воды <...> постепенно мне теплее и легче становилось на сердце, точно благодаря этим обильным, безотчетным слезам смягчалось и разряжалось мучительно-напряженное душевное оцепенение, так долго мной владевшее, – и я опять нашла себя, свою подлинную, неизменную сущность» [3: 389-390].

Но все же не эти, весьма показательные и характеризующие автора описания, составляют основное содержание книги Е.Р. Редлих. Упоминания природно-архитектурного ландшафта выступают в них элементом драматической местности, на фоне которой отчетливее проступает портретная галерея литературных героев, превращая произведение в многоуровневый социокультурный срез пострево-

люционного российского общества. Именно человек со всеми его достоинствами и недостатками оказывается в центре повествования.

Антропоцентризм текста отсылает к еще одной важнейшей особенности соловецкой мемуаристики, объединяющей самых разных авторов вне зависимости от их политических убеждений или религиозных взглядов. Задаваясь вопросом о смысле собственного творчества, представительница партии эсеров Е.Л. Олицкая признавалась: «Я не могу не писать! Может быть, это память о них, хороших и плохих, – безразлично» [10:270]. Д.С. Лихачев шел дальше и в качестве эпиграфа к своей книге воспоминаний использовал слова заупокойной молитвы: «И сотвори им, Господи, вечную память...». Смысл воспоминаний, таким образом, поминально-воскресительный. В них выражена потребность продлить существование другого человека, вывести память о нем за рамки земной жизни, сохранить в полноте индивидуальности его личные особенности. В этом стремлении проявляется общая для бывших заключенных убежденность в ценности опыта жизни жертв репрессий для будущих поколений – его воспитательное значение.

Одним из важных уроков, который преподает нам сама Е.Р. Редлих – ее непоказные великодушные и человечные, проявляющиеся в описаниях людей, где нет места гневу или проклятиям, что периодически встречается в других мемуарах: «Отходя в загробный Мир, я заклинаю всех тех, кто, преследуя материальные выгоды, будут оказывать содействие в продлении тирании коммунистов, как повадных преследователей веры в Единого Истинного Бога, что проклятия из загробного Мира будут посылаемы на головы большевистских доброжелателей. Аминь. Добровольно оставляющий земное бытие И.М. Зайцев» [4:170].

Вместо этого мы находим ироническую скорбь по отношению к девушке, любимый человек которой оказался в лагере, но та даже и не думает отправиться на

свидание к нему из-за опасения перед новым ухажером, который шантажирует ее старым знакомством, но еще больше из-за страха «прозевать» жизнь.

«"Ходи в петлю, ходи в рай, ходи в дедушкин сарай", – высоким чистым голосом запевает Зоя.

– На свидание просит приехать, – шёпотом говорит мне Соня, – это невозможно. Меня Колька не пустит, он страшно ревнивый и на всякую гадость способен. Партийный он. Видите, как смотрит? Как зверь. <...>

– Ну, побегу, живём только ведь один раз, – встряхивая головой, говорит Соня, ещё раз сжимая мою руку. – Жить, так жить, а будешь кукситься, жизнь прозеваешь.

– Ну, Вы не прозеваёте то, что Вы называете жизнью. Зато, прозеваёте более ценное, может быть.

– Ах, нет! Теперь всё ценное – ау, нету. Пережитки старины, называется. Было когда-то, да сплыло куда-то. Бедный Шурка. Тоже пережито, – говорит Соня, улыбаясь сквозь навернувшиеся слёзы. – Но Вы не думайте, что мы такие уж плохие, извращённые, мы только жить хотим. Жить. Прощайте, – встряхивает она головой и бежит к своим.

– "Ходи в петлю, ходи в рай..."

Дверь захлопывается с грохотом.

Они жить хотят. И в них наше будущее».

Трагикомично описана встреча с крестниками све-крови – поповскими сыновьями, ставшими в годы революции «безбожниками, чекистами», но обещавшими по старой памяти «всегда всё сделать», помочь в случае чего в трудную минуту.

«Польщён ирод. Голову выше заломил. Серые стальные жестокие глаза смотрят с минуту сквозь меня. Тешитя злодей, как бывшая барыня у него, у проходимца, милости просит», – вспоминает автор бесплодные переговоры, в память от которых врезались детали «чекистского» быта: «Большая двуспальная кровать красного дерева не убрана, не покрыта. Смятые подушки, бельё сомнительной чистоты. На столе, покрытом

грязной изрезанной клеёнкой, пустые бутылки, стаканы, рюмки, хрустальная ваза с объедками, селедочный скелет, картофельная шелуха. Под столом чья-то кепка. На чудном пушистом персидском ковре во всю комнату куски хлеба, корки апельсинов, окурки. В углу грязные носки, принадлежности женского туалета».

Тем больше, на фоне неблагодарности почти что родных людей, благодарность за сочувствие и помощь со стороны незнакомцев: красноармейца, который во время обыска отводит глаза от конверта с компрометирующими семью документами (*«Спасибо тебе, голубчик, спасибо, милый. Знаем мы, что не при чем ты тут, дай и тебе Бог»*); молодого человека в форме пожарника, который сообщает о положении супруга в тюрьме и дает советы по его освобождению (*«Я верю Вам. Спасибо, что вызвали меня. Что же я могу сделать, чем помочь мужу?»*); железнодорожного служащего Митрофана, который оставляет на ночлег и помогает с посадкой на поезд:

«— Спасибо. Спасибо за ночлег. Всю жизнь помнить будем ваше великое радушие и доброту к нам.

— Что вы, что вы! Бог с вами. Мы, ведь, христиане. Спите с Богом. Я разбужу вовремя и посажу в поезд. Сам посажу, — совсем уж сонно повторяет он».

Убеждение в том, что *«свет не без добрых людей»*, которое озвучено одним из книжных персонажей, становится едва ли не важнейшим итогом жизненных испытаний и эпилогом произведения, раскрывающим его идейный смысл. Вера в человека подчеркивает ценность личных отношений, возводит их на недостижимую в обычной жизни высоту, на что обращали внимание многие заключенные, приводя примеры помощи и взаимовыручки. «В тюрьмах среди товарищей по заключению, у врачей, сестер милосердия, даже у низшего тюремного персонала я, чужой им человек, “мистер”, как меня обычно называли, встречал столько внимания и помощи, что никогда об этом

не забуду» [7:111], – передавал индус-мусульманин С. Курейши, поразившую его особенность русского общества.

Христианское мировоззрение автора и ее окружения невольно ставит вопрос о религиозной оценке происходящего. Данный вопрос поднимается не единожды и является одним из лейтмотивов воспоминаний.

«– Ну, что же это такое, – не выдерживает мать. – Ни за что, ни про что, схватили, посадили, детей сиротами оставили. Что же это? Где же Бог? Чего же Он смотрит? Как допускает? Или и вправду нет Бога? А? Что же это делается-то, дочка, а?

Я молчу. Что я могу сказать? Что могу я знать о Боге? О том Боге, который допускает всё, что творится все эти годы, все эти ужасы, пытки, мучения, расстрелы. Как я могу ответить старушке, зачем всё это нужно Богу?

– Что же ты, дочка, молчишь.

– Право, не знаю, мамаша, что и сказать. Волю Бог человеку дал и право распоряжаться над миром. Самому волю дал свою жизнь строить. Вот они и строят по-своему, без Него.

– Нет, дочка, что-то не так ты говоришь. Не так. Не так что-то.

Мамаша вздыхает, вздыхает ещё. Ворочается.

– Нет, дочка, не то ты говоришь. Разгневался Он, что русские от Него отреклись, Его забыли, допустили безбожников безобразничать, храмы осквернять, над святостью смеяться. Вот и страдаем за это всё. За допущение дьявола. От дьявола всё это, дочка. А допустили со страху. Испугались чего-то. Не отстояли правды, сдались, поверили социализме какой-то. А что это за социализма такая и сами не знаем. Зло от неё идет. Зло. А всё зло от дьявола. Господи милостивый, спаси и помилуй. Спаси и помилуй детишек-то. Они-то ни при чём вовсе. За что они-то страдают, Господи?»

Религиозный дискурс также отличительная черта, по преимуществу тех мемуаристов, которые сформировались

в дореволюционной России и составляли значительную часть авторов воспоминаний, увидевших свет до начала Второй мировой войны. В их произведениях важное место занимает осмысление «жизненного подвига, заключающегося не столько в терпении многочисленных и на первый взгляд несправедливых бедствий, сколько в глубоком осознании духовного смысла и назначения страдания» [9:352].

Вместе с этим довоенные мемуары полны пророчеств, которые так и не были услышаны современниками и не уберегли их от новых катастроф: «Огонь зла, который вспыхнул в России вследствие несправедливости людей, распространится по всему миру» [12:224].

Слова баптиста А.П. Петрова вновь возвращают нас к эпиграфу произведения, который вызывает к человеческой памяти и полон разумных предостережений. Рассматривая воспоминания Е.Р. Редлих через призму литературного наследия лагерных летописцев и связанных с ними людей, можно сказать, что ее мемуары типичны, настолько, насколько могут быть похожи друг на друга тексты современников, которые сформировались в общей социокультурной среде. Семейная трагедия соотносится в них с общечеловеческими ценностями и выходит за пределы личных потерь, состояние общества коррелирует с устройством лагерной системы, а на первый план мировой истории выдвигается конкретный человек, который становится мерой вещей. Помимо общественных тенденций такому подходу способствует собственные установки мемуаристки, склонной к религиозному восприятию жизни, что всячески подавлялось в бытность СЛОНА, но нашло свой выход в творчестве не поддавшихся этому давлению людей.

Литература

1. Андреев Г.А. Горькие воды. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 328 с.
2. Бабичева М.Е. Трудные дороги советского зека (жизненный и творческий путь Г. А. Андреева) // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2015. Т. 3. С. 44-47.

3. *Второва-Яфа О.В.* Авгуровы острова // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2015. Т. 3. С. 383–442.
4. *Ганин А.В.* «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2014. Т. 2. С. 162–171.
5. *Канев В.* Сатанида // Воспоминания соловецких узников. 2017. Т. 5. С. 259–297.
6. *Клинггер А.* Соловецкая каторга. Записки бежавшего // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. С. 48–121.
7. *Курейшии С.* Пять лет в советских тюрьмах и лагерях // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2014. Т. 2. С. 90–149.
8. *Мальсагов С.А.* Адский остров: советская тюрьма на далеком севере // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. С. 370–444.
9. *Московская Д.С.* «Я нашел в жизни то, что искал» // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2015. Т. 3. С. 348–357.
10. *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания: в 2 кн. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. Кн. 2. 270 с.
11. *Панченко О.В.* Д. С. Лихачев в работе над «воспоминаниями»: осмысление духовного опыта соловецкого лагеря // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2016. Т. 4. С. 326–349.
12. *Петров А.П.* Соловки – живое кладбище // Север. 2014. №1. С. 213–225.
13. *Правдолюбов А., прот.* Соловецкие рассказы. 2-е изд., доп. М.: «Свт. Киприан», 2008. 52 с.
14. *Пьералли К.* Поэзия узников соловецких лагерей: несколько замечаний к теме // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2017. Т. 5. С. 32–43.
15. *Редлих Е.Р.* «Десять месяцев и девятнадцать дней. Быль 1929–1930 годов» // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2019. Т. 7.
16. *Сойни Е.Г.* Побег в Финляндию Юрия Бессонова // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. С. 446–450.
17. *Солоневич Б. Л.* Тайна Соловков // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2014. Т. 2. С. 427–590.

18. *Умнягин В., свящ.* Побег с Соловков анархиста К. Л. Власова-Уласса // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2016. Т. 4. С. 112-115.
19. *Ширяев Б.Н.* 1237 строк // *Ширяев Б.Н.* Соловецкие сказы / Публ. и вступ. ст. к.и.н. М.Г. Талалай, примеч. и послеслов. К. филол. н. В.В. Умнягин // Восток свыше. 2017. №2 (апрель-июнь). Вып. 43. С. 46-82 (начало).
20. *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. 560 с.